

В ту беспокойную осень, когда мир захлебывался в бесконечных распрях, в рядах даосов объявился предатель. Он выдал местоположение отряда, которым командовал Цзян Жуцзин, и навел на них облаву: двенадцать великих магистров демонических врат взяли их в кольцо. Сто дней длилась кровопролитная бойня, и в живых остались лишь двое — сам Цзян Жуцзин и один ученик на стадии Зарождающейся души.

Предатель пошел на сделку с демонами, чтобы спасти четверых своих последователей, попавших в плен. Сразу после содеянного он бежал в храм Брахмы, добровольно принял постриг и укрылся в лоне буддизма. Он надеялся, что, отринув мирское, обретет защиту храма и даосы пощадят его жизнь.

В главном зале Праджни Цзян Жуцзин наступал шаг за шагом, требуя расплаты. Предатель рыдал, захлебываясь в раскаянии; монахи хранили суровое молчание. В конце концов изменник собственноручно отсек себе руку, моля о прощении. Один из мастеров не выдержал и попытался было заступиться за него, призывая к милосердию, но осекся — Жуцзин одарил его взглядом, полным такой ярости, какая бывает лишь у загнанного в угол одинокого волка.

Тогда вперед вышел старый настоятель. Его посох с глухим стуком обрушился на темя предателя, мгновенно прервав его жизнь. Провозгласив имя Будды, старец произнес:

— Только так мой Будда сможет тебя простить.

«Только так мой Будда сможет тебя простить».

Будда спасает всё сущее и любит род людской, но Его любовь не беспринципна. Он может принять любое зло, но не вправе принимать его вместо тех, кому это зло было причинено. Бог простит, но он потребует плату.

Будда без границ и законов — Будда ложный.

Цзян Жуцзин невольно подумал, что божество, в которое верил этот безумный царь, наверняка было фальшивкой. Иначе как можно простить величайшее преступление — убийство родных — лишь за то, что виновный скрылся за стенами монастыря?

В каком же чудовищном мире нужно жить, чтобы вера полностью ослепила людей, заставив их забыть о различии между черным и белым, между истиной и ложью?

На лице царя Чжаньдуоло застыла странная маска: то ли улыбка, то ли гримаса рыдания.

— Разве это не смехотворно? — прошептал он.

Цзян Жуцзин больше не мог притворяться. Он покачал головой и твердо произнес:

— Окажись я там в тот день, я бы гнался за тобой тысячи ли и лично оборвал твою жизнь. Никакой пощады. Никакого прощения.

Лицо Чжаньдуоло мгновенно исказилось.

— Ты хочешь меня убить?

— Ты совершил убийство отца и матери, — в голосе Жуцзина зазвенел холодный металл. — Разве ты не заслуживаешь смерти? Твой отец и вся твоя династия, должно быть, лишились рассудка, раз позволили тебе уйти живым только потому, что ты переступил порог храма!

Услышав это, Чжаньдуоло, вопреки ожиданиям, немного расслабился.

— Ты прав! — воскликнул он. — Всё именно так!

Жуцзин нахмурился:

— Так почему же они тебя отпустили?

На красивом, до болезненности ярком лице царя появилась загадочная и зловещая улыбка. В его голосе зазвучала бесконечная, копившаяся десятилетиями ненависть.

— Я покажу тебе, — прошептал он. — И тогда ты всё поймешь.

Чжаньдуоло шагнул вперед и мертвой хваткой вцепился в плечо Цзян Жуцзина. Черный туман, вырвавшийся из его руки, мгновенно окутал их обоих. Последним, что услышал Жуцзин, был испуганный крик Ань Тин, после чего сознание померкло, раздавленное чудовищным вихрем.

***

Сперва до него донесся гул разъяренной толпы, а затем он почувствовал на коже ожоги палящего солнца.

Цзян Жуцзин открыл глаза. Вокруг колыхалось море людей: монахи в абрикосовых рясах и безумные фанатики.

— Сжечь её! Сжечь!

— Смерть богохульнице! Отправьте её в ад!

— Да! В ад! В самый глубокий ад её!

Яростные крики больно ударили по ушам. Жуцзина кто-то грубо толкнул; слышался подлый, злорадный смех. Он не удержался на ногах и скатился по холодным каменным ступеням, ударившись лицом о раскаленную сухую землю. Всё тело пронзила острая боль.

Подняв голову, он увидел эшафот. На нем, прикованная тяжелыми цепями, лежала женщина. Она была до ужаса истощена — казалось, кожа обтягивает одни кости. Под весом железных звеньев она едва не вжималась в помост, дрожа всем телом.

Взгляд Жуцзина встретился с её глазами. Женщина замерла. Кровавые слезы потекли по её лицу, покрытому грязью и запекшейся кровью. Из её горла вырвался надрывный стон.

Цзян Жуцзин невольно прошептал:

— Мама...

Он содрогнулся от ужаса. Только сейчас Жуцзин осознал, что совершенно не контролирует это тело. Опустив взгляд, он увидел маленькие худые ладони и короткую детскую тень на земле.

Он оказался заперт в теле ребенка?

Вспомнив слова царя, Жуцзин догадался: он видел мир глазами маленького Чжаньдуоло.

Не успел он оправиться от шока, как тело само — движимое волей ребенка — рванулось к эшафоту. Мальчик карабкался вверх, цепляясь короткими пальцами за выступы.

— Чжаньдуоло! — раздался громopodobный рык.

Малыш замер и в страхе обернулся. Там, на вершине лестницы, в окружении почтительной толпы, стоял пожилой мужчина, облаченный в роскошные одежды. Он смотрел на сына с праведным гневом.

— Отец... я... — едва слышно пролепетал мальчик.

— Заберите его! — лицо старого царя в глазах ребенка выглядело пугающим, почти демоническим.

Двое стражников в доспехах подхватили мальчика за руки и потащили прочь, бросив его у ног Мокэцзе, точно мешок с костями.

Старый царь сделал шаг вперед. Его массивная фигура нависла над ребенком, заставляя того задира́ть голову едва ли не на девяносто градусов. Мокэцзе наклонился и грубо схватил Чжаньдуоло за подбородок. Жуцзин физически ощутил это мерзкое прикосновение, напоминающее скользкое присасывание слизи.

Лицо отца приблизилось почти вплотную. Дряблая кожа, морщины, похожие на трещины коры старого мандарина, и густая россыпь печеночных пятен вызвали у Жуцзина приступ тошноты. Царь вперил в сына мутный желтый взгляд и, обдав его зловонным дыханием, прошипел:

— Смотри внимательно. Вот что ждет каждого, кто не чтит богов и Будду!

С силой сжав челюсть ребенка напоследок, он оттолкнул его и повернулся к высокопоставленному монаху-судье:

— Начинайте.

Монах кивнул, взял свиток из рук юного послушника и медленно взошел на эшафот. Толпа мгновенно смолкла. В этом молчании чувствовалось напряжение дремлющего вулкана.

— Княгиня Намулата, написавшая запретную книгу «Страдания Асли», оклеветавшая нашего Будду и осквернившая веру народа, признана виновной! Будда милосерден, и наш царь милосерден, а потому её душа будет низвергнута в великий ад Авичи. Восемнадцать кругов пыток, немедленно!

Едва прозвучали последние слова, тишина взорвалась ликующим ревом. Тысячи голосов слились в экстазе.

И лишь один отчаянный, надрывный детский крик утонул в этом океане фанатичного восторга.

Пытки великого ада Авичи... Маленький Чжаньдуоло смотрел на них целых восемнадцать дней. И Цзян Жуцзин смотрел вместе с ним. Каждый раз, когда жизнь покидала измученное тело женщины, палачи останавливались. Слуги подносили драгоценные снадобья, чтобы поддержать в ней искру жизни — только для того, чтобы она смогла вынести следующую пытку. Все восемнадцать мучений должны были быть исполнены до конца.

— Почему вы просто не убьете её? Зачем заставлять ребенка на это смотреть?! — Жуцзин кричал внутри сознания Чжаньдуоло. — Вы называете себя верующими, почему же вы так жестоки?!

На восемнадцатый день монах-палач вогнал массивный железный гвоздь в череп женщины, наконец прекратив её страдания.

«Где же Будда?» — услышал Жуцзин безмолвный вопрос в душе ребенка.

Мальчик поднял взгляд. Он посмотрел вверх беснующейся толпы на далекий золоченый шпиль пагоды. Его голос, теперь пустой и лишенный жизни, прошептал:

— Будду использовали... Я пойду и спасу Будду.

Цзян Жуцзин был в бешенстве. Он метался в море воспоминаний маленького Чжаньдуоло, не в силах сдержать ярость.

— Что это за проклятое место? Зачем ты мне это показываешь?! Я не хочу больше это видеть! Верни меня назад!

Но как бы он ни бился, он не мог покинуть это тело. Ему оставалось лишь день за днем, год за годом проживать эту чужую, сломанную жизнь.

Прошло пять лет, и Жуцзин был на грани безумия. Мальчик жил в аду. Его травил братья и сестры — принцы и принцессы. Его унижали простые верующие, а монахи и святые девы использовали как раба. Каждую ночь он был обязан бить тысячу земных поклонов перед статуей Будды, и с каждым поклоном произносить:

— Моя мать — грешница. Она обречена на вечные муки в аду Авичи без надежды на спасение. Я — сын грешницы. Я обязан ползать в пыли перед ликом Будды и служить каждому Его посланнику до конца времен.

— Хватит! Довольно! — кричал Жуцзин. — Это не твоя вина! Ты не грешник! И твоя мать была святой женщиной!

За эти пять лет Жуцзин понял многое.

Старый царь Мокэцзе вышел из простой семьи, кормившейся разведением Превосходящих Птиц. В годы великой смуты он поднял восстание и захватил обширные земли в междуречье, основав империю. В зрелости он насаждал буддизм, а к старости его набожность превратилась в фанатичное безумие. Он создал жестокую кастовую систему: высшее духовенство — на вершине пирамиды, военная знать — ступенью ниже, рядовые верующие — следом, а ремесленники и пахари — в самом низу, в грязи.

Мать Чжаньдуоло, Намулата, была из семьи второго круга. В шестнадцать лет её отдали за шестидесятилетнего царя. Чтобы избежать дворцовых интриг во время беременности, она укрылась в крупнейшем храме столицы. Но именно там, в святых стенах, она увидела изнанку веры — то, что навсегда разрушило её мир.

Пять лет она писала свою книгу, полную боли и сомнений. «Страдания Асли» мгновенно разошлась среди народа, всколыхнув волну протестов против зажавшихся жрецов. Намулата примкнула к тайному обществу помощи угнетенным, но была предана собственной служанкой.

Служанка оказалась истово верующей.

К тому времени религия в империи почти подмяла под себя царскую власть. Но Мокэцзе это лишь радовало — он готов был пожертвовать чем угодно ради благосклонности храма.

Цзян Жуцзин затих. Глядя глазами Чжаньдуоло на застывшую маску скорбного сочувствия на лице золотого идола, он почувствовал, как сердце сжимается от невыносимой тоски.

«Теперь понятно, почему ты так сказал...»

— Они сотворили со мной ужасные вещи.

Творить подобное с беззащитной женщиной и маленьким ребенком — слово «ужас» было слишком слабым для этой бездны.

Жуцзин мог лишь продолжать смотреть.

Когда Чжаньдуоло исполнилось тринадцать, великий мастер буддизма Монапо вышел из затворничества. Вся страна погрузилась в празднование.

В тот же год младший брат мастера Монапо скинул монашескую рясу и вернулся к мирской жизни.

Этот юноша, отринувший обеты, обладал лицом столь чистым, точно лотос у подножия Будды, и улыбкой — мягкой и исполненной глубокого покоя.

Жуцзин увидел, как этот человек подошел к Чжаньдуоло, избитому слугами, и спас его. Он услышал его голос, тихий и теплый:

— Бедный ребенок... Что же они с тобой сделали?

<http://bllate.org/book/17530/1705048>